



УДК: 821.512.122-1:316.88

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-519-530

ТРАНСЛИНГВАЛЬНЫЙ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ВЫДВИЖЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на материале поэзии О. Сулейменова)*

Статья 1

Н.М. Джусупов

Университет «Сырдария»
ул. М. Ауэзова, 11, Жетысай, Казахстан, 160500,

В статье на материале поэзии Олжаса Сулейменова исследуются средства выдвижения (языковые девиации), основанные на естественном транслинговокультурном мышлении, билингвальном сознании. Как правило, в произведениях О. Сулейменова наблюдаются языковые девиации разных уровней, обусловленные его авторским заданием на оказание эффекта выдвижения под влиянием казахского (генетически родного) языка для создания русского поэтического текста. В статье анализируются два типа линговокультурного отражения действительности в тексте поэта-транслинга — подсознательное и специальное (преднамеренное). Сплав казахского и русского в поэзии О. Сулейменова рассматривается как слияние различных образов, понятий и национально-культурных ценностей, выраженных средствами русского языка. Комплексный семантико-стилистический анализ и описание средств выдвижения осуществляется на материале стиха («Айтқыс»), в основу которого изначально заложены образы и линговокультурные ценности казахского этноса. По аналогии казахского образного выражения «*Иттің баласы*» («Сын собаки») поэт создает на русском языке индивидуально-авторское выражение «Сын волка». Исходя из этого исследуется интертекстуальная основа стиха: согласно тюркской мифологии, небесная волчица — *Көкбөрі* — прародительница тюрков, поэтому волк (*қасқыр*, *бөрі*; *Көкбөрі*) в казахском сознании ассоциируется с праматерью. Наличие таких средств выдвижения в тексте свидетельствуют о том, что в процессе творческой интерпретации автором (поэт-транслингом) социокультурной действительности активизируется разнообразный пласт структур представления знания как о собственно национальных, так и транснациональных образах и в целом линговокультурных ценностях и понятиях.

Ключевые слова: выдвижение, средства выдвижения, языковая девиация, стилистический, транслингвальный, транскультурный, поэтический текст, поэт-транслингв

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития социума текст приобретает все большую значимость как своим полиаспектным характером, так и способностью оказания информационного и эстетического воздействия на индивида. В этом плане особая

* Статья подготовлена в рамках научного проекта «Когнитивно-стилистический подход к исследованию художественного текста (на материале английского, русского и тюркских языков)» Международной программы научных грантов Института перспективных исследований Московского педагогического государственного университета.

роль принадлежит художественному тексту. Художественный текст, как прозаический, так и поэтический, нередко становится сплавом би- и полилингвального мышления писателя, поэтому объем анализа художественного текста расширяется, углубляется и, следовательно, появляются новые проблемы в области лингвистики текста как самостоятельного направления современного языкознания.

Вместе с тем это связано также с проблемой контактирования языков и культур. Контактное взаимодействие языков и культур оставляет свой отпечаток как в системе языка, так и в содержании национальных культур (понятия, концепты, константы, традиции и т.д.).

Процессы взаимовлияния языков и культур имеют важное значение как в монолингвальном, так и полилингвальном отношениях, их результаты отражаются практически во всех сферах социальной деятельности индивида: национальные ценности могут обогащаться или обедняться.

В истории человечества мы видим в большей степени примеры положительного влияния языков и национальных культур друг на друга. Результаты такого положительного взаимовлияния отражаются и в художественном творчестве поэтов и писателей, как монолингвов, так и би- и полилингвов [Dagnino 2012; Leech 1969; Steinitz 2013].

В творчестве писателя-билингва в целом и в его конкретном художественном произведении могут функционировать средства выдвижения с различной степенью языковой девиации, исходящие из его билингвального мира, лингвокультурных психообразов, сформированных в его сознании (в отдельности как два национальных психообраза или как сплавленные в единые транскультурные психообразы).

Процесс выдвижения [Douthwaite 2000; Lvovich 2015; Mukarovskiy 1964; van Peer 1986; van Peer 2007] в художественном тексте характеризуется сложным набором языковых явлений, специфика которых в отдельных случаях определяется владением или невладением писателем вторым, третьим и т.д. языками, а также таким серьезным художественным фактом, как: на каком языке художник оформляет свои произведения — на генетически родном языке или на неродном языке, но который (неродной) является языком его профессиональной деятельности, основным языком маркирования предметов и явлений окружающей действительности в его сознании и в художественном тексте, который он создает [Джусупов 2013].

Итак, в художественном тексте выдвижение может проявляться и как следствие влияния генетически родного языка и культурных традиций на неродной язык, на котором создается художественное произведение писателем-транслингвом. Данное явление может иметь две основы.

1. Недостаточно совершенное владение писателем-транслингвом художественными средствами генетически неродного языка, который является языком его художественной деятельности. В этом случае выдвижение в художественном тексте является следствием «отрицательного» влияния особенностей генетически родного языка.

2. Совершенное владение художественными средствами генетически неродного языка — языка профессиональной деятельности писателя-транслинга. В таком случае средства выдвижения в художественном тексте являются результатом положительного влияния особенностей генетически родного языка. Реализация выдвижения в этом случае может быть:

а) неспециальной, т.е. подсознательной, так как в сознании писателя произошло слияние образов, категорий и явлений двух языковых систем, что породило одну индивидуально-авторскую художественно-стилистическую систему и динамику образного мышления, в котором для него не существует противопоставления на свое и чужое, а существует только свое. Однако в этом «писательском своем» читатель различает (например, в поэзии О. Сулейменова) русское и казахское, казахское и русское, русско-казахское и казахско-русское;

б) специальной, осознанной, когда писатель-транслинг преднамеренно (т.е. сознательно) использует генетически родные образы и стилистические средства для выдвижения в художественном тексте, оформленном им на генетически неродном языке, но которым он владеет в совершенстве, т.е. на уровне художественной деятельности;

В целом в процессе выдвижения в тексте писателя-транслинга плавно сочетаются четыре лингвистических фактора:

— генетически родной, но не язык его художественной деятельности и генетически неродной, но язык его художественной деятельности;

— подсознательное (неспециальное) и специальное (сознательное, преднамеренное) использование особенностей генетически родного языка в художественном тексте, оформляемом писателем-транслингом на генетически неродном языке — языке своей художественной деятельности.

ТРАНСЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ХАРАКТЕР ВЫДВИЖЕНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Ниже мы приведем пример из поэзии Олжаса Сулейменова, в котором на высоком художественном уровне сочетаются все вышеотмеченные лингвистические факторы, характерные для поэта, в совершенстве владеющего русским художественным словом, но в тексте которого проявляется сочетание специального и неспециального выдвижения, основанного на казахском мировосприятии, на казахских образах, их лингвокультурных и стилистических свойствах, что свидетельствует о присутствии в русской поэзии казахского стихослога.

В произведениях О. Сулейменова мы можем наблюдать языковые девиации разных уровней, обусловленных влиянием родного языка и сознательным, и бессознательным намерением автора использовать или не использовать их в своей художественной деятельности.

Так, у О. Сулейменова языковые девиации — осознанные, они определяются его авторским заданием на оказание эффекта выдвижения под влиянием казахского (генетически родного) языка для создания русского поэтического текста.

Например, отрывок из его стихотворения «Айтыс», написанного на русском языке в традициях казахских эпических произведений, сочетании поэзии и прозы [Джусупов 1976: 113—114]:

*Сын волка, хоть и тоц,
но похож на волка,
сын собаки, хоть и толст,
но похож на собаку!
С отрезанными ушами¹.*
[Джусупов 1976: 114].

Выдвижение в данном контексте, как результат влияния генетически родного языка, определяется тем, что автор, исходя из содержания казахского выражения «*иттің баласы*» (дословно «сын собаки»), в русском языке создает нестандартное сочетание слов «сын волка», «сын собаки». Этот прием выдвижения как лексическая девиация объясняется транслингвальным характером контекстуальной смены фрейма, т.е. межъязыковым перемещением определенного образа и стереотипа мышления в новый когнитивный контекст интерпретации. В данном случае активизируется сакральный характер символа «волк» («*бөрі*») в культуре казахов и в целом тюркских народов [Джусупов 2011; Кляшторный 1992], и вместе с тем, что собака в позитивном аспекте значения в казахском сознании входит в состав семи национальных ценностей («*Жеті қазына*»). Также в результате рефрейминга в данных выражениях на первый план выдвигается когнитивный фрагмент знания, основанный на персонификации сакральных образов — «генетическая связь сына и родителей».

В данном случае выдвижение — это результат и подсознательного, и специального (преднамеренного) вкрапления в русский поэтический текст казахских психообразов, переданных средствами русского языка. Объясняется это тем, что фрагменты картины мира (*Көкбөрі* — небесная волчица, вскормившая тюрка; *ит (собака)* — одна из семи ценностей казахского народа) в сознании О. Сулейменова сформированы в виде казахских психообразов, которые в языковом, культурном и собственно художественном отношениях сплелись в одно целое в его индивидуально-авторском восприятии.

В данном отрывке из поэтического произведения, созданного писателем-транслингвом, сплелись в одно целое:

а) подсознательное, т.е. неспециальное, непреднамеренное использование, когда окончательно сформированные казахские психообразы проявляются в русскоязычном художественном творчестве на подсознательном уровне;

б) специальное, т.е. преднамеренное введение казахских реалий и соответствующих психообразов, сформированных в сознании писателя-транслинга в художественный текст на генетически неродном языке, на языке своей профессиональной художественной деятельности.

В данном случае очень сложно определить, что доминирует в процессе авторского внедрения в русский текст казахских понятий и образов — подсознательное,

¹ В устном исполнении этого произведения автором был озвучен вариант с выражением «с отрубленным хвостом». В данной работе анализ проводится на основе текста, представленного в печатном виде [Dagnino 2012: 114], т.е. на основе варианта «...с отрезанными ушами».

что является характеристикой внутреннего содержания (духовного, культурологического, традиционного и нового), или же специальное, преднамеренное, которое может не предполагать обязательного присутствия в сознании писателя-транслинга понятий и образов из мира генетически родного языка, из мира генетически родного видения и восприятия как картины мира в целом, так и ее фрагментов в частности.

На наш взгляд, в данном случае доминирует первое — подсознательное, а не второе — специальное, преднамеренное, так как:

— во-первых, если бы во внутреннем мире поэта-транслинга не были сформированы психообразы этих понятий, присущих генетически родному языку, генетически родной культуре, то выражение не было бы таким естественным, эффективным, вместе с тем неожиданно образно-художественным, поэтому в данном случае доминирует подсознательное, то есть спонтанное внедрение такого средства выдвижения в художественный текст на генетически неродном языке, но на языке художественной деятельности писателя. Результат такого выдвижения и в целом использования языковых средств генетически родного языка, культурных реалий — обогащение языка художественной деятельности писателя (генетически неродного языка), в данном случае — русского языка, русской культуры. Такое использование понятий и образов генетически родного языка и культуры в процессе художественной деятельности на генетически неродном языке свидетельствует о совершенном владении писателем-транслингом языком своей профессиональной деятельности, владением им изнутри. В конечном итоге это плавное высокохудожественное слияние двух языковых и культурных стихий, в котором доминируют язык оформления художественного произведения;

— во-вторых, выдвижение в художественном тексте, созданное на основе понятий и образов из другого языка, культуры, может быть оформлено и писателем с монолингвальным сознанием. Например, в русском художественном тексте выдвижение, основанное на использовании особенностей языка и культуры других народов. В этом случае, например, для русского писателя это будут понятия и образы из инофонной среды, из другой (иной) культуры, так как в его сознании они не сформированы в виде психообразов, определяющих его бытие, его внутренний национально-языковой мир, с которым он живет как само собой разумеющееся. Такое выдвижение в подавляющем большинстве случаев — результат специального, преднамеренного действия писателя (как правило, носителя монокультуры, владеющего одним языком, т.е. с монолингвальным сознанием).

ВЫДВИЖЕНИЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ТРАНСЛИНГВАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ И СОЗНАНИЯ («СЫН ВОЛКА» И «СЫН СОБАКИ»)

Ниже рассмотрим некоторые детали, анализируемого контекста, способствующие выдвижению в целом, а также сами средства выдвижения:

*Сын волка, хоть и тощ,
но похож на волка,
сын собаки, хоть и толст,
но похож на собаку!
С отрезанными ушами.*

Выражение «с отрезанными ушами» в данном контексте выдвигается за счет дистрибуции в сильной позиции, что способствует оказанию эффекта неожиданности (стилистический прием парадокса). Как правило, в степных, кочевых условиях щенку в первые месяцы после появления на свет укорачивают уши и хвост, т.е. отрезают. Укорачивание ушей делается в санитарно-гигиенических целях и в целях самообороны, так как длинные уши могут быть легко поранены в противостоянии с другими псами или хищниками. Хвост укорачивается, чтобы собака (овчарка, волкодав) в погоне за хищниками, нападающими на отары овец, была свободной и ее задняя часть тела, прежде всего хвост, не цеплялись за высокорастущие колючки и другие растения, чтобы уши не были длинными и не могли быть откусанными противником, чтобы собака была свободна в беге и не чувствовала дискомфорта.

О. Сулейменов использует слово *отрезанный* в выражении «с отрезанными ушами», а не с *отрубленными*. В казахском языке, как правило, говорят об отрезанных или срезанных, т.е. укороченных ушах собаки: *құлағы қырқылған (с отрезанными ушами)*; *құлағы кесілген (с отрезанными ушами)*; *құлағы қысқартылған (с укороченными (с подрезанными) ушами)*. То же самое и с «с отрубленным хвостом».

Итак, в казахском языке относительно этой процедуры — процедуры укорачивания ушей не употребляется выражение «отрубленные уши». Когда речь идет об «отрубленности», на первый план выходит топор и его действие, а не нож, не ножницы. Поэтому, когда в казахском языке по отношению к хвосту собаки употребляют выражения «*қыркып тастаған*» или «*кесіп тастаған*», то прежде всего имеется в виду — отрубленный топором. Это выражение обязательно употребляется в сочетании со словом (глагольной формой) *тастаған* (*брошенный, выброшенный*), т.е. выражения «*қыркып тастаған*» и «*кесіп тастаған*» или «*қысқартып тастаған*» дословно на русский язык переводятся как «отрубленный и выброшенный», «укороченный и выброшенный», «отрезанный и выброшенный».

Эти выражения в казахском языке могут употребляться и в значении «отрезанный ножом, срезанный ножом», но в отношении факта укорачивания хвоста собаки в составе этих выражений не употребляется слово *нож* «*пышақ*». Слова «*пышақ*» (*нож*) или «*қайшы*» (*ножницы*) употребляются в отношении укорачивания (подрезания) ушей собаки.

Итак, О. Сулейменов в данном случае в качестве средства выдвигания использует выражение «...с отрезанными ушами», что усиливает мгновенность, экспрессию действия и в той или иной степени экзотичность его результата. Поэт использовал казахский образ, элемент казахской картины мира, казахский обычай, а средством передачи избрал лексико-семантически и стилистически емкое выражение русского языка. Выражение «...но похож на собаку с отрезанными ушами» неординарное для русского восприятия, для русского сознания, когда как для казахского восприятия собака с отрезанными ушами — явление обычное.

Такое словоупотребление усиливает стилистический колорит художественного контекста, точно и броско выражает авторский замысел, основанный на переносе понятий и образов, сформировавшихся в сознании автора исходя из восприятия окружающего мира и национальной культуры и в итоге выразившихся в русском художественном тексте, но с казахским содержанием.

Для восприятия читателем образ собаки «с отрезанными ушами» — действенный, красочный. Автор в качестве средства выдвижения использует образ отрезанных ушей, что в большей степени воздействует на русского или на русскоязычного читателя. Эффект выдвижения и стилистическое воздействие на читателя в данном случае отличаются емкостью и неожиданностью самого образа, его красочностью и вместе с тем парадоксальностью.

Итак, казахское образное выражение — «*иттің баласы*» (*сын собаки*). *Бала* — ребенок мужского пола, т.е. сын. *Ит* — собака, т.е. в целом сын собаки. Но в данном случае это выражение нельзя переводить на русский язык словами *собачий сын* или *сучий сын*, так как:

— во-первых, уходит на второй план возвышенный характер значения слова *сын* как мужчины, продолжателя рода, как воина, защитника, т.е. обедняется смысловая нагрузка как слова, так и в целом выражения. Сравним: *сын отца* — *отцовский сын*; *сыны отечества* — *отечественные сыны*; *сын собаки* — *собачий сын*;

— во-вторых, это приводит к снижению стилистического регистра, выражение приобретает нейтральную окраску (в лучшем случае) или стилистически сниженную окраску и тем самым на первый план выдвигается пейоративная оценка всего выражения;

— в-третьих, в казахском языке невозможно оформление таких выражений с использованием имени прилагательного, то есть если в русском языке возможны два варианта передачи, например, значения *чей-то сын* — *сын отца* — *отцовский сын*, то в казахском языке один инвариант, а вариантов и вариаций нет: *әке (әкенің) баласы (сын отца)*.

Итак, использование О. Сулейменовым выражения «*сын собаки*» (а не «*собачий сын*») сохраняет сакральность смысла и высокий стилистический регистр коннотации языковой единицы, присущего казахскому оригиналу.

Слово *бала* в собирательном значении употребляется по отношению всех детей, независимо от их половой принадлежности. Например: *Балалар, үйге кіріңіздер (Дети, войдите в дом)*; *балабақша или балалар бақшасы (детский сад)*. Итак, слово *бала* характеризуется положительной стилистической окраской, поэтому его употребление возможно во всех стилях речи, так как его первоначальное значение «*ребенок*».

В зависимости от ситуации общения и речевого контекста в целях дифференциации детей по половой принадлежности употребляются такие лексико-семантические выражения, как: *ұл бала (ребенок-мальчик)*, *қыз бала (ребенок-девочка)*. В данном случае общее *бала* — *ребенок*, а конкретизирующее, различающее *ұл* — *сын (мальчик)*, *қыз* — *девочка, девушка*. В этих выражениях слово *бала (ребенок)* не является антонимом слова *қыз (девочка)*, т.е. не передает значение *сын, мальчик*, а, как уже выше отмечено, имеет в целом значение *ребенок, дети*. Но слово *бала* может употребляться и в значении *мальчик*, т.е. в значении *ребенок мужской принадлежности*. Это зависит от ситуации общения. Например:

Менің балам, қызым бар (У меня мальчик и девочка). Эй, балақай, бері кел (Эй, мальчик, иди сюда). Баланың аты бала гой, атқа қонса дана гой (Мальчик есть мальчик, но на коне он личность).

Итак, слово *бала* прежде всего связано с понятием *ребенок* мужского пола, так как в казахском языке присутствует и такое противопоставление, как *бала — қыз* (*мальчик — девочка*), а не только — *ұл бала — қыз бала* (*ребенок-мальчик — ребенок-девочка*). Слово *ұл* (*сын*) во многих случаях характеризуется возвышенной стилистической окраской, как слово *сын*, например, в русском выражении *сыны Отечества*.

В выражении *«Иттің баласы»* слово *бала* обозначает ребенка мужского пола, т.е. мальчика, сына, и ни в коем случае не обозначает ребенка женского пола (*девочку*). Это обстоятельство является еще одним подтверждением, что слово *бала* выступает и в противоположенном значении слова *қыз*, т.е. употребляется и в значении слова *мальчик*.

В казахском языке неприято использовать (за редким исключением) выражение *«иттің қызы»* — *«дочь собаки»*. Использование такого выражения возможно, но исключительно в обиходно-бытовой речи, исключительно редко, в совершенно отчаявшемся случае родителей или взрослых в оценке мальчишеского или плохого поведения девочки или девушки. В этом случае выражение *«иттің қызы»* характеризуется отрицательной коннотацией. Образное же выражение *«иттің баласы»* в зависимости от ситуации речи может обладать и отрицательной, и положительной коннотациями. Например:

1. При возмущении лицами старших по возрасту поведением ребенка, мальчика или в целом человека мужского пола. В этом случае выражение *«иттің баласы»* характеризуется отрицательной коннотацией: *Әй, иттің баласы, бәрін бүлдірді* (*Эх, собачий (сучий) сын, все испортил*), (т.е. человек с собачьими отрицательными повадками).

2. При восхищении поведением, силой, ловкостью, бесстрашием ребенка, мальчика или в целом человека мужского пола. В этом случае выражение *«иттің баласы»* характеризуется положительной коннотацией: *«Әй, иттің баласы, кереметсін зой»* (*Эй, сын собаки, ты великолепен, прекрасен!*), т.е. мальчик, мужчина (*сын собаки*) такой же выносливый, живучий, как собака и т.д.

В данном контексте О. Сулейменов использует выражения *сын волка* и *сын собаки* в положительном значении, но с долей стилистической минусовости, которая не снизила, а, наоборот, украсила семантико-стилистическую значимость контекста.

Выражение *«сын волка»* в казахском языке будет *«қасқырдың баласы»* или *«бөрінің баласы»* (*қасқыр, бөрі* — слова-синонимы). В казахском языке такое образное выражение по отношению к человеку не употребляется. Оно может употребляться по отношению к волчонку (*детенышу волчицы*). Однако в казахском языке волчонок в зависимости от возраста (от рождения до двух лет) именуется специальными словами: *бөлтірік* (*волчонок в возрасте до одного года*), *қарақұлак* (*волчонок в возрасте одного года*), *көксерек* (*волчонок-самец, достигший возраста двух лет, молодой, сильный волк*). Поэтому сулейменовское выражение *«сын волка»* — индивидуально-авторское, созданное по аналогии казахского выражения *«иттің баласы»* (*«сын собаки»*, по О. Сулейменову). В казахском языке это дословно *«детеныш собаки»*, т.е. щенок, а в переносном, образном значении — человек, характеризующийся повадками, «похожими» на повадки собаки (и в отрицательном, и в положительном значениях).

Итак, в русском тексте О. Сулейменова функционирует выражение «сын волка» как эффективное средство выдвижения, появление которого связано с казахским выражением «*иттің баласы*». В данном случае имеет место процесс образования аналогичных выражений не внутри родного языка, а в другом (русском) языке, что является результатом контактирования двух лингвокультурных миров в поэтическом сознании писателя. Аналогия в одном языке (в казахском) в результате фацилитации породила стилистическое выдвижение в другом (русском) языке. Весь этот контекст (*Сын волка, хоть и тощ, но похож на волка, сын собаки, хоть и толст, похож на собаку! С отрезанными ушами*) является индивидуально-авторским. Внутри этого контекста присутствуют несколько индивидуально-авторских словоупотреблений, которые выделяются как средства выдвижения и создают общую казахско-русскую и русско-казахскую поэтическую картину фрагмента мира: 1) *сын волка*; 2) *сын волка, хоть и тощ*; 3) *хоть и тощ, похож на волка*; 4) *сын собаки*; 5) *сын собаки, хоть и толст*; 6) *хоть и толст, похож на собаку*; 7) *на собаку с отрезанными ушами*.

Все эти сулейменовские индивидуально-авторские словоупотребления, и соответственно, средства выдвижения — результат сплава генетического (казахского) и негенетического (русского), но функционально доминирующего билингвального сознания писателя, что сформировало единое поэтическое начало. В сознании писателя-транслинга две языковые стихии, две национальные картины мира не конфликтуют, а глубинно взаимообогащаются, сливаются в одно целое — сулейменовское видение мира, в сулейменовское когнитивно-стилистическое содержание.

Көкбөрі — это символ-архетип [Кляшторный 1992]. Согласно древней легенде, *Көкбөрі* — небесная волчица, которая вскормила своим молоком единственного оставшегося в живых мальчика из племени, безжалостно истребленного вражескими силами, и впоследствии, став его женой, родила от него детей, которые продолжили род и стали называться тюрками [Кляшторный 1992]. Слово *Көкбөрі* — это имя небесной волчицы, прародительницы тюркского племени, потому это слово следует писать с прописной буквы. *Бөрі* (волков) много, а *Көкбөрі* (Небесная волчица — одна). Слово *көк*, употребляется в значении «небо», «небесный» и «синий», «голубой». Это подтверждается многими выражениями казахского языка, в которых слово «көк» используется в значении «небо» или «небесный». Например: *көкпен көрінді* (видно в небе, показалось в небе); *көкке ұшты* (улетел в небо); *көкпен түсті* (спустился, опустился с неба); *көк тәңірі* (бог неба, всевышний) и т.д.

Синонимом слова *көк* (небо) является слово *аспан*, заимствованное из фарси, т.е. это слово в тюркских языках (в том числе и в казахском языке) более позднего периода употребления, чем слово *көк* (тюркского происхождения).

Слово *бөрі* (волк) — синоним слова *қасқыр* (волк). Слово *бөрі*, как правило, употребляется с нейтральным стилистическим оттенком, так же, как слово *қасқыр*. В этом смысле они синонимы, как слова, обозначающие дикое животное, хищника по натуре. Но слово *бөрі* может употребляться с высокой стилистической окраской как символ-архетип: в этом значении оно не является синонимом слова *қасқыр* (волка как хищника), а означает символ-архетип, т.е. становится синонимом слов *Көкбөрі* (мифологическая небесная волчица — прародительница всех тюрков).

Итак, в казахском языке выделяются три ключевых слова, обозначающих волка: а) *қасқыр* — волк, обычный хищник; б) *бөрі* — волк, обычный хищник. Как правило, говорят: *Малға қасқыр шапты (Волк задрал скотину); Қойды қасқыр жепті (Овец съел волк)*. Но, как правило, не говорят или редко говорят: *Малға бөрі шапты. Қойды бөрі жепті*; в) *Көкбөрі* — волчица (небесная волчица), прародительница всех тюрков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда О. Сулейменов пишет: *«Сын волка, хоть и тощ, но похож на волка...»*, что он имеет в виду? Конечно же, прежде всего, он имеет в виду, что потомок волка, каким бы ни был — сытым или голодным, ослабленным и измученным, он всегда остается хищником, диким зверем, что его хищническое, звериное начало проявляется, в каком бы он физическом состоянии ни был. Эта мысль открыто и выпукло просматривается и прочитывается в художественном контексте, а следовательно, настраивает читателя именно к такому пониманию и восприятию его содержания. Сравнение с потомком собаки (который, каким бы он ни был вскормленным, но похожим на собаку, в любом случае является собакой и не может быть похожим на волка, т.е. быть волком, хоть и вскормленный) усиливает восприятие читателя о том, что волк есть волк, что потомок (детеныш) волка во всем похож на волка, т.е. также является волком (хищником).

Имплицитный смысл данного контекста заключается в том, что *«сын волка, хоть и тощ, но похож на волка»*, т.е. волк в образе *Көкбөрі* — всегда начало тюркского рода; каким бы ни был потомок (детеныш, сын) волка (волчицы *Көкбөрі*), он (она) похож (похожа) на *Көкбөрі*, она — прародитель тюркского рода, бесстрашная и молниеносная.

«...сын собаки, хоть и толст, но похож на собаку с отрезанными ушами», т.е. собака (детеныш, сын собаки) при всех своих достоинствах, являясь одной из семи ценностей казахского народа, в любом случае есть собака, а не волк, не *Көкбөрі*. Поэтому собака, хоть и генетически близка волку, она, ее потомки — «дети», «сыны», щенки, не могут быть прародительницей тюркского народа: она (собака) не выкормила своим молоком мальчика — генетического начала тюрков, поэтому *«сын собаки, хоть и толст, но похож на собаку! С отрезанными ушами»*. Сын собаки тоже собака. Собака (сын собаки) — прирученное домашнее животное, доказательством тому является отрубленный хвост, отрезанные уши руками человека (тюрка) — потомка *Көкбөрі (Небесной волчицы)*.

Итак, имплицитный смысл контекста, созданный поэтом билингвального мышления и сознания, поэтом транслингвокультурного (казахско-русского) образа жизни, требует своего особого глубинного чтения, которое предполагает, что читатель обладает или должен обладать определенным набором знаний как монолингвального и монокультурного, так и билингвального и межкультурного характера.

© Джусупов Н.М.

Дата поступления: 1.04.2017

Дата принятия к печати: 10.06.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Джусупов М.* Пятитомник «Русская поэзия 20 век» и русскоязычные поэты-инофоны (на материале творчества О. Сулейменова) // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 4. С. 10—19.
2. *Джусупов Н.М.* Тюркский символ в художественном тексте (лингвокогнитивный аспект). Астана: Издательство «Сарыарка», 2011.
3. *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992.
4. *Сулейменов О.* Определение берега. Избранные стихи и поэмы. Алматы: Жазушы, 1976.
5. *Dagnino A.* Transcultural Writers and Transcultural Literature in the Age of Global Modernity // *Transnational Literature*. 2012. Vol. 4. N 2. URL: <http://fhrc.flinders.edu.au/transnational/home.html> (accessed: 25.03.2016).
6. *Douthwaite J.* Towards a Linguistic Theory of Foregrounding. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2000.
7. *Leech G.N.* A Linguistic Guide to English Poetry. London and New York: Longman, 1969.
8. *Lvovich N. Kellman S.G.* Introduction to Special Issue: Literary Translingualism: Multilingual Identity and Creativity // *L2 Journal*. 2015. Vol. 7. N 1. P. 3—5. URL: <https://escholarship.org/uc/item/9tp862z8> (accessed: 25.03.2016).
9. *Mukarovsky J.* Standard Language and Poetic Language // *A Prague School Reader on Esthetics, Literary Structure, and Style*. Ed. and trans. Paul L. Garvin. Washington, D.C., Georgetown UP, 1964. pp. 17—30.
10. *Steinitz T.* Translingual Identities: Language and Self in Stefan Heym and Jakov Lind. Rochester, NY: Camden House, 2013.
11. *van Peer W.* Stylistics and Psychology: investigations of foregrounding. London: Croom Helm, 1986.
12. *van Peer W., Hakemulder F., Zyngier S.* Lines on Feeling: foregrounding, aesthetics and meaning // *Language and Literature*. Vol. 16. N 2. 2007. pp. 197—213.

УДК: 821.512.122-1:316.88

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-519-530

TRANSLINGUAL AND TRANSCULTURAL ASPECTS OF STYLISTIC FOREGROUNDING IN THE LITERARY TEXT (based on O. Suleymenov's poetry)

Dzhusupov Nursultan Mahanbet uly

“Syrdariya” University

11, M. Auezov str., Zhetysay, Kazakhstan, 160500

Abstract. The article investigates the foregrounding devices in Olzhas Suleymenov's poetry which are determined by the poet's natural translinguocultural thinking and bilingual consciousness. Generally, different types of linguistic deviation actualised in O. Suleymenov's works aim to produce the foregrounding effect in creating the Russian-language poetic text under the influence of his native Kazakh language. The two types of linguocultural reflection of reality in the text of a translingual poet — subconscious and special (intentional) are being analysed. The merging of Kazakh and Russian cultural factors in O. Suleymenov's poetry is viewed as an integration of different images, concepts and values expressed by means of the Russian language. The complex semantic-stylistic analysis of foregrounding devices is carried out using the verse (“Айттыс”) which is initially charged by the Kazakh cultural images and values. By analogy with the Kazakh figurative expression «Иттің баласы» (“*Son of a dog*”) the author creates his own individual expression «Сын волка» (“*Son of a wolf*”). Following from this the intertextual basis of the verse is being analyzed: according to the Turkic mythology, Sky wolf *Kokbori* is considered to be an ancestor of the Turks, so a wolf is traditionally associated with the first mother of all the Turkic people. The use of this kind of foregrounding devices in the text shows that various knowledge structures about ethnic images and cultural values tend to be activated in the process of the author's creative interpretation of sociocultural reality.

Key words: foregrounding, foregrounding devices, linguistic deviation, translingual, transcultural, poetic text, translingual poet

REFERENCES

1. Dzhusupov, M. (2013). The Five-volume edition “The Russian Poetry of the 20th Century” and Russian-language foreign-born poets. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 4, 10—19. (in Russ).
2. Dzhusupov, N.M. (2011). *Turkic Symbol in the Literary Text (linguocognitive aspect)*. Astana: Publishing house “Saryarka”. (in Russ).
3. Klyashtornyy, S.G. & Sultanov, T.I. (1992). *The Chronicle of Three Millenniums*. Alma-Ata: Rauan. (in Russ).
4. Suleymenov, O.O. (1976). *Feeling the Riverside. Selected verses and poems*. Almaty: Zhazushy. (in Russ).
5. Dagnino, A. (2012). Transcultural Writers and Transcultural Literature in the Age of Global Modernity. *Transnational Literature*, 4(2), URL: <http://fhrc.flinders.edu.au/transnational/home.html> (accessed: 25.03.2016).
6. Douthwaite, J. (2000). *Towards a Linguistic Theory of Foregrounding*. Alessandria, Edizioni dell'Orso.
7. Leech, G.N. (1969). *A Linguistic Guide to English Poetry*. London and New York: Longman, 1969.
8. Lvovich, N., & Kellman, S.G. (2015). Introduction to Special Issue: Literary Translingualism: Multilingual Identity and Creativity. *L2 Journal*, 7(1), 3—5. URL: <https://escholarship.org/uc/item/9tp862z8> (accessed: 25.03.2016).
9. Mukarovskiy, J. (1964). Standard Language and Poetic Language. *A Prague School Reader on Esthetics Literary Structure and Style*. Ed. and trans. Paul L. Garvin. Washington, D.C., Georgetown UP, 17—30.
10. Steinitz, T. (2013). *Translingual Identities: language and self in Stefan Heym and Jakov Lind*. Rochester, NY: Camden House.
11. van Peer, W. (1986). *Stylistics and psychology: investigations of foregrounding*. London, Croom Helm, 1986.
12. van Peer W., Hakemulder F. & Zyngier S. (2007). Lines on Feeling: foregrounding, aesthetics and meaning. *Language and Literature*, 16(2), 197—213.

Для цитирования:

Джусупов Н.М. Транслингвальный и транскультурный аспекты стилистического выдвигания в художественном тексте (на материале поэзии О. Сулейменова) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 3. С. 519—530. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-519-530.

For citation:

Dzhusupov, N.M. (2017) *Translingual and Transcultural Aspects of Stylistic Foregrounding in the Literary Text (based on O. Suleymenov's poetry)*. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 519-530. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-519-530.

Nursultan M. Dzhusupov, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 519-530. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-519-530.

Сведения об авторе:

Джусупов Нурсултан Маханбет улы, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языков университета «Сырдария»; *научные интересы:* когнитивная лингвистика, стилистика, когнитивная стилистика, сопоставительная лингвистика, теория перевода, сопоставительная стилистика, германистика; *e-mail:* nursultan79@mail.ru.

Bio Note:

Dzhusupov Nursultan Mahanbet uly, PhD in Philology, Senior Lecturer of Department of Languages, “Syrdariya” University; *Scientific Interests:* cognitive linguistics, stylistics, cognitive stylistics, comparative linguistics, translation theory, comparative stylistics, German studies; *e-mail:* nursultan79@mail.ru.